

В пантеоне греческих богов Протей олицетворяет многоликость и многообразие. Воистину таковым был выдающийся хореограф Касьян Голейзовский (1892 — 1970). Три вечера (в Большом, в Театре им. Станиславского и Немировича-Данченко, в Зале им. Чайковского) и вернисаж посвятила Москва 100-летию со дня его рождения. Благотворительный фонд «Русский балет», Фонд Голейзовского, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры воссоздали панораму творчества мастера и в реконструкции миниатюр и композиций, и на выставке в особняке на Старой Басманной, 15, где было представлено собрание афиш, программ, фото, эскизов самого Голейзовского и его сподвижников.

...Была сокрытая символика в том, что вечера проходили на подмостках, где Голейзовский одерживал триумфы. В Большом начиналась его жизнь в 1910 г. еще танцовщиком, там она завершилась в 1964-м постановкой «Лейли и Меджнуна» С. Баласаяна. Прирожденный полемист, Касьян Ярославич то яростно спорил с труппой, протестуя против казенного репертуара и вампуки, то уходил в театр-кабаре «Летучая мышь», то создавал свой «Камерный балет», разные студии, творил в цирке, мюзик-холле, на эстраде. Его наследие необозримо и еще не до конца уточнено. Пленительные легенды передаются из уст в уста об «Иосифе Прекрасном» С. Василенко (1925, Экспериментальная сцена), о протагонистах: Л. Банк — царице Тайях и В. Ефимове — Иосифе. Воспользовавшись providескими идеями и опытом Вс. Мейерхольда, А. Таирова и Евг. Вахтангова, Голейзовский и художник Б. Эрдман конструктивистскую оболочку «одушевили» высоким пиететом пред красотой...

Подобно тому, как в юности Голейзовский прямо наследовал своим учителям (М. Фокину по Петербургскому училищу и позже в Большом — реформатору А. Горскому), в зрелые годы он впитывал богатства национальных культур и европейской пластической традиции. В широком смысле синтезирует глубинные принципы стиля «модерн» рубежа веков — полутона, витальные, кантиленные «растительные» линии — с лексической

изощренностью. Касьян Голейзовский и неоромантик, и непревзойденный стилизатор, а по аналогии с течениями в живописи и поэзии — одновременно постимпрессионист, акмеист и символист. Так явны переклички с художниками «Бубнового вальса» и «Голубой розы», со стихами А. Блока и А. Ахматовой, М. Володина и М. Кузмина.

За полстолетия жизни на сцене Голейзовский воссоздал в форме лирического дневника трагический бег XX века и собственную трагическую судьбу бескомпромиссного художника. В 1930-е он работал в труппах Харькова и Минска и осуществил оригинальные концептуальные постановки «Спящей красавицы» и «Бахчисарайского фонтана». В 1941 г., завороченный Востоком, подарил Душанбе свои «Две розы» («Ду гиль») на музыку А. Ленского...

ХОРЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОТЕЙ

В 1964 г. блудный и верный сын Большого балета возвращается в него спектаклем «Лейли и Меджун». Несправедливо короткой оказалась жизнь этой постановки. Но живы мифы о друзьях Р. Стручковой и В. Васильева, Н. Бессмертной и М. Лавровского. То было еще одно превращение хореографического Протея, метаморфоза художника.

В том, сколь виртуозно и в многоактных спектаклях, и в неисчислимых миниатюрах Голейзовский оперировал временем и пространством, ассоциациями и метафорами, как обновляет формы и лексику танца, заключены энциклопедические познания о скоморошестве, европейской карнавальности, пластической культуре Средней Азии и Ближнего Востока, классическом танце Старого Света, фундаментальное владение сценарной и хореографической драматургией и режиссурой. Да, Голейзовский — энциклопедист: в один из юбилейных вечеров зрители могли приобрести только что вышедший томик его стихов. Он играл на скрипке, фортепиано и свободно читал партитуру. Его



жена Вера Васильева и сын Никита бережно хранят составленную им уникальную библиотеку и нотную коллекцию, истинную сокровищницу новой музыки XX века. Он был фольклористом и знатоком таджикской культуры; многие московские музеи и дома хранят его эскизы костюмов — с ними мы познакомились на выставке. В тех же залах — фантастическая сюита скульптур из корней деревьев, собранных в окрестных лесах приокской деревни Бехово. На деревенском погосте, на крутом речном берегу и покоится великий, неугомонный мастер...

В пору горьких испытаний отечественной культуры, искажаемой натиском коммерциализации и прагматизма, романтическое наследие Голейзовского особенно дорого.

Вадим КИСЕЛЕВ.

Рисунок В. Мамонтова.